

Читайте в серии:

ПОЛНОЧНЫЙ
ЕДИНОРОГ

ТЁМНЫЙ
ЕДИНОРОГ

Продолжение следует...

ЭЛИС ХЭММИНГ

ТЁМНЫЙ БЕДИНОРОГ

Москва
2020

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44
Х99

Alice Hemming
THE DARKEST UNICORN
Text copyright © Alice Hemming, 2020

Хэмминг, Элис.

Х99 Тёмный единорог / Элис Хэмминг ; [перевод с английского А. Панферовой. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Потерянные принцессы Эссендора).

ISBN 978-5-04-111724-5

Тэнди — храбрая и решительная девочка. В её родном Эссендоре, где она живёт с приёмной семьёй, беспокойно — обожаемая всеми королева Одри сражена странной сонной болезнью, а её сестра Алетта отправилась на поиски лекарства. Тем временем в королевстве начали пропадать дети. Когда Одри встречается у крепостной стены незнакомого музыканта, который рассказывает ей о единороге, похищающем детей, Тэнди понимает: она должна отправиться вместе с ним и спасти их. И пусть путь обещает быть неблизким, а её спутник — самый загадочный человек, которого она когда-либо встречала, Тэнди не сомневается — она поступает правильно. Кто знает, быть может, среди похищенных она найдёт свою пропавшую несколько лет назад маму?

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-111724-5

© Панферова А. А., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Посвящается Полу и Шерил

У каждой песни и каждой истории есть своё начало. Колыбельные и сказки, которыми убаюкивают детей перед сном, были некогда лишь идеей, мелодией, мыслью в чьей-то голове. Как же они обретают своё бессмертие? Как сложенные в предания слова и сплетённые с музыкой рифмы захватывают королевства и разносятся далеко за их пределы? Всё просто: нужен лишь повод спеть песню и повод пересказать кому-то интересную байку.

Так и начинается наша история...

ЭТО ПРОИЗОШЛО

НА ВТОРОЙ ГОД

ПРАВЛЕНИЯ

КОРОЛЕВЫ ОДРИ

ГЛАВА I

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ КОРОВ

Линнель сняла с крючка у двери деревянное ведро и вышла на крыльцо навстречу новому дню. Солнце лениво поднималось из-за горизонта, окрашивая рассветное небо в оранжевый, точь-в-точь как цветы ястребинки. Бросив пригоршню семян в клетку своей маленькой птичке, девочка обернулась и, любуясь прекрасным горным пейзажем, вдохнула полной грудью прохладный утренний воздух. Над просторами, словно огромный гигант, возвышалась гора Опакус, чья вершина, независимо от погоды, неизменно скрывалась за пеленой густых облаков. По обе стороны от исполина теснились горы поменьше, которые в народе называли не иначе как Стражники.

Дом Линнель располагался прямо напротив каменного гиганта, внизу, на пологом склоне Серой

горы, которая, надо сказать, совершенно не оправдывала своё название. На фоне ярких красок неба отчётливо выделялась тёмная густая зелень сосен, а луга застилала сочная высокая трава. Зелёная гора — вот как стоило бы назвать эти места!

Но, судя по всему, тот, кто давным-давно дал название горе, жил в Эссендоре и видел лишь её противоположную сторону, где, как говорили, не было ничего, кроме серых камней. Что ж, им в столице королевства, виднее. Линнель же никогда не огибала гору, на которой прожила всю свою жизнь. Для этого просто не было причин. Кроме того, за неимением туннеля, подобное путешествие заняло бы несколько дней, и отец девочки поговаривал, что на такое может решиться либо храбрец, либо глупец.

Всего в нескольких верстах вниз по склону располагалась горная деревня Арвел, но дом Линнель едва ли к ней относился. У них было что-то вроде своей деревушки из маленьких полуразрушенных фермерских домиков, сгрудившихся вместе на отшибе. Людей здесь было немного, но всё же, несмотря на ранний час, девочка встретила по пути к коровникам по меньшей мере трёх человек.

Старый батрак по имени Пит как раз сгребал сено, когда она проходила мимо. Бросив своё занятие, он поприветствовал соседку вежливым кивком:

— Доброе утро, Линнель! Отличная причёска!

Девочка смущённо коснулась своих волос, заплетённых в косу вокруг головы:

— Доброе утро, Пит! Спасибо!

Затем ей повстречалась мадам Лаванда, которая сидела на веранде в кресле-качалке, укрыв ноги вязаным одеялом.

— Доброго вам утречка, госпожа Линнель. Как красиво вы убрали сегодня волосы!

— Благодарю вас, мадам Лаванда!

Когда же девочка поравнялась с амбаром, из-за телеги с сеном выскочил малыш Йохан и заставил её вздрогнуть, громко завопив:

— Бу!

— Ну-ка скройся, бесёнок! — прикрикнула она, прогоняя негодника.

Добравшись до коровника, Линнель с радостью укрылась в нём от постороннего внимания. Здесь было темно, тепло, пахло навозом, сеном и коровами. Кому-то такой аромат мог бы показаться неприятным, но она привыкла к нему с раннего детства. Отыскав среди животных Нетти, свою любимую корову, девочка повела её в доильное стойло. Та весело затопала вперёд и, оказавшись на месте, принялась с аппетитом жевать зерно в яслях. Линнель же придвинула поближе низенький табурет, отёрла Нетти и приступила к делу.

Тёплое молоко брызнуло в ведро, повинувшись привычным движениям её пальцев. Девочка тяжело вздохнула. Ей бы очень хотелось причёсываться и заплетать волосы так, как душе угодно, не становясь при этом всеобщим предметом для обсуждения и не привлекая любопытных взглядов.

Линнель прожила в этом захолустье всю свою жизнь, и, к её огромной печали, за все эти годы в деревушке ничего не изменилось. Каждый день её отец работал в поле, ухаживал за животными и готовил еду для продажи на рынке. А она каждый день помогала ему по хозяйству и каждое своё утро проводила за учебниками.

Нетти, должно быть, уловила настроение хозяйки и нервно топнула копытом. Ожидающие своей очереди бурёнки протяжно замычали. Доить недовольных

коров — задача не из простых, и, желая их успокоить, Линнель стала петь. Мелодичный голос эхом разливался по амбару, и животные притихли, наслаждаясь его нежными звуками. Она пела свою любимую песню, которую отец написал когда-то давно для её матери. А потом, когда родилась Линнель, мама убаюкивала её этой колыбельной:

— Для меня ты словно бриллиант,
Для меня ты словно сапфир,
В тебе — красота и талант,
Ты для меня — весь мир.

Я хотел бы тебе подарить
Бриллианты и жизнь, как в раю.
Но я беден,
Зато я умею любить
И дарю тебе песню свою.

Девочка снова вздохнула. Она никогда не видела ни бриллиантов, ни сапфиров, но ей очень хотелось бы. Она закрыла глаза и представила себя в платье из серебряной парчи, расшитой мелким, нежно сверкающим жемчугом. Она мечтала о роскоши, о служанках, исполняющих любую её просьбу, и о том, чтобы те каждый день укладывали её волосы в новую модную причёску. Но вокруг были лишь коровы, для которых Линнель пела колыбельную:

— Для меня ты прекраснее гор
И нежнее, чем тёплое море,
Краше леса и чище озёр,
Весь мир для меня — в твоём взоре.

Линнель любила эту песню за прекрасные картины, которые та рисовала в её воображении: засне-

женные горные вершины, глубокие спокойные воды бирюзовых озёр и вздымающиеся от ветра паруса галеонов, бороздящих бесконечные просторы морей. Она мечтала о свободе, о путешествиях и далёких странах, но, увы, мечтам этим не суждено было исполниться. Её детство подходило к концу, и всего через пару лет девочке предстояло приступить к ежедневной изнуряющей работе на ферме. Отец старел, и с каждым новым днём ему становилось всё тяжелее обеспечивать их существование. Будучи единственным ребёнком в семье, Линнель всегда понимала, что ей не с кем разделить ответственность за спокойную старость отца, а значит, всё её будущее было неразрывно связано с этой захудалой деревушкой на склоне горы.

Послышались шаги, и на пороге амбара появился отец Линнель, словно вызванный её размышлениями. Он прислонился к дверному косяку, наслаждаясь переливистыми звуками песни, и мгновение спустя тонкий нежный голос его дочери слился с его глубоким баритоном:

— Я хотел бы тебе подарить
Бриллианты и жизнь, как в раю.
Но я беден,
Зато я умею любить
И дарю тебе песню свою.

На последних нотах песни девочке показалось, что глаза отца заблестели от наворачнувшихся на них слёз. Наверное, он вспомнил о её матери, которая умерла, когда Линнель была совсем ещё крошкой.

— Ты так красиво поёшь.. Даже лучше, чем она, — тихо произнёс мужчина. — Твой голос — настоящий дар.

Девочка грустно улыбнулась, она часто слышала от отца эти слова. Но что толку от красивого пения, если его слушают лишь коровы в крошечной деревеньке, о которой не знает никто, кроме местных жителей?..

— Она была моим бриллиантом. А ты, Линнель, — мой сапфир. Для меня в целом мире нет ничего дороже.

Девочка поднялась с табурета и обняла отца. Его сентиментальность всегда казалась ей глупой. С другой стороны, сложно было бы найти более удачный момент для её просьбы:

— Можно мне прогуляться в лесу или в лугах? После того, как закончу все дела на ферме, разумеется.

— А как же учёба?

— Я возьму с собой учебники. Такой чудесный день, преступлением было бы сидеть взаперти.

— Хорошо, Линнель, я разрешаю. Ты так много мне помогаешь, что немного развеяться не повредит. Даже не знаю, что бы я без тебя делал. Только не уходи слишком далеко, возвращайся к обеду и не разговаривай с незнакомцами.

Напутствие отца вызвало у девочки смех. Шанс встретить в этих местах незнакомца был настолько ничтожно мал, что, случись это, она определённо не смогла бы с ним заговорить, так как онемела бы от удивления.

ПОЮЩИЙ ЛЕС

Линнель предпочла тенистый покров леса благоухающему лугу. День обещал быть жарким, а на занятиях куда проще сосредоточиться без слепящих солнечных лучей, отражающихся от белой бумаги

учебников. К тому же прогулка была не единственной её целью: кое-что ещё давно возбуждало любопытство девочки. В ближайшей деревне поговаривали о появлении в их краях Полуночного единорога из Эссендора, легендарного зверя, защищавшего народ королевства от бед. Линнель, конечно, сомневалась, что тот решил бы посетить Арвел, не говоря уже о том, чтобы подняться выше в горы, к их деревушке, но всё же шанс встретить его в лесной глуши был куда выше, чем на открытых луговых просторах.

Усевшись поудобнее на большой пень, девочка достала из сумки стопку книг и распахнула первую из них. История. Этот предмет не входил в список её любимых дисциплин, как, по правде говоря, и все остальные. Единственным исключением была музыка. Нотная грамота открывала дорогу к тому, чтобы научиться придумывать, записывать и воспроизводить мелодии, в то время как другие предметы казались Линнель пустой тратой времени. История и арифметика не помогали ей ни развивать свой талант, ни доить коров. Девочка безразлично перелистывала новую главу. В ней говорилось что-то о королях и королевах, до которых ей не было совершенно никакого дела. Бегло просматривая одну страницу за другой, Линнель останавливала взгляд лишь на иллюстрациях. На них августейшие особы изображались в изысканных одеяниях из бархата и шёлка.

Девочка даже не надеялась когда-нибудь встретить её величество, хоть их с отцом скромное жилище и находилось меньше, чем в сотне вёрст от замка, где восседала королева Одри. Она была самой любимой и почитаемой из всех правителей королев-

ства, в отличие от её предшественника и по совместительству дяди, короля Зелоса. Ходили слухи, что тот убил свою родную сестру, её мужа и их новорождённых дочерей-близнецов, чтобы занять престол. Но девочек удалось спасти, они вернулись в Эссендор и заявили о своих правах, свергнув дядю-тирана. Так королева Одри и взошла на трон. Вдохновлённая этой историей, Линнель иногда воображала себя потерянной принцессой. Как хорошо было бы вдруг узнать, что она тоже королевских кровей. Тогда она получила бы всё, о чём так отчаянно мечтала: большой замок, прекрасные сады, в которых можно играть, вкусную еду и элегантную одежду. Она могла бы вплетать в косу жемчуга и расчёсывать локоны золотыми гребнями.

Девочка легонько провела пальцем по изящному цветочному узору на одном из платьев. Он был просто бесподобен. Затем она мельком взглянула на текст, где перечислялись достижения великих монархов прошлого. От скучных дат и заковыристых названий сражений клонило в сон. У Линнель никак не получалось сосредоточиться, и она опустила книгу на колени.

Теперь скучающий взгляд девочки привлекли рассыпанные среди травы разноцветные пятна цветов: здесь росли и чистотел, и одуванчики, и весёлые крупные колокольчики. В деревне их считали обычными сорняками, но Линнель любила эти цветы: ей казалось, что их яркие лепестки подчёркивают красоту тенистого леса, оживляя его, как украшения с самоцветами оживляют элегантный сдержанный наряд. Если ей не суждено когда-нибудь увидеть настоящие драгоценности, что ж, она обойдётся и этими. Девочка потянулась к растущему поодаль одуванчику, и книга

соскользнула с её колен на землю, где так и осталась, а её хозяйка уже один за другим срывала длинные зелёные стебли. Сплетая между собой жёлтые и белые цветы, она всё время оглядывалась, чтобы решить, какое ещё растение добавить в венок. В голове вновь завертелась мелодия из прошлого, и Линнель, повинаясь ей, запела:

— Для меня ты — бриллиант,
Для меня ты — дивный сапфир...

В лесу её голос звучал совсем иначе, нежели в гулкой тишине амбара. Песня срывалась с её губ и сливалась с многообразием звуков природы: с щебетанием птиц, с шелестом листьев, которыми играл лёгкий тёплый ветерок, и с размеренным жужжанием насекомых.

Девочка сплела концы своей цветочной цепи:

— Для меня ты прекраснее гор
И нежнее, чем тёплое море...

Словно диадему, она торжественно надела на голову венок и почувствовала себя настоящей королевой. Жёлтые цветы изумительно подчёркивали золотистые блики её волос. Затем Линнель грациозно подняла руки над головой и принялась медленно танцевать, воображая, что выступает на сцене огромного театра:

— Я хотел бы тебе подарить
Бриллианты и жизнь, как в раю...

Вдруг до слуха девочки донеслась отдалённая мелодия, и она замолчала, охваченная странным ощущением, будто лес поёт ей в ответ.

